

Джума АХУБА — абхазский прозаик, публицист и общественный деятель. Родился в 1937 году в с. Атара Очамчирского района. Окончил Сухумский государственный педагогический институт им. А.М. Горького, затем Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Работал корреспондентом в редакции газеты «Советская Абхазия», заведующим литературной частью Абхазского государственного драматического театра им. С.Я. Чанба, литературным консультантом Союза писателей Абхазии, главным редактором журнала «Апсны аказара» («Искусство Абхазии»), директором Литературного фонда Союза писателей Абхазии.

Издан более 25 книг прозы и публицистических работ на абхазском и русском языках. Ряд его произведений переведены на японский, английский, польский, испанский, эстонский, латышский, армянский, грузинский и другие языки. Переводил на абхазский рассказы Р.Тагора, Дж.Лондона, Э.Хемингуэя, А. Чехова, М. Шолохова, Б. Васильева, В. Быкова, Ф. Искандера, Х. Ашинова и др.

Награждён орденом «Ахьдз-Апша» («Честь и Слава») II степени. Лауреат Государственной премии Абхазии им. Д.И. Гулиа, премии журнала «Дружба народов».

Джума АХУБА

Ты ревнуешь, мама?

рассказ

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

Иарне Арлан было под сорок, на висках уже седина проступила. Однако и сослуживцы в банке, где она работала старшим контролёром, и соседи по дому называли её лишь по имени. То ласково: Иарночка, то просто Иарна. Вот и управляющий банком куда моложе: «наша Иарна», «чтоб наша Иарна пропустила путаницу в ведомостях?».

Вообще-то у абхазов не принято величать по имени-отчеству, а очень хотелось, чтобы обращались уважительно. Впрочем, как говорится, если тебя сидящим не заметили, то хоть на цыпочки встань — не увидят. Глупо, конечно, что её это заботило, но что беспокоит, о том и думается...

И вот в пятницу, в обеденный перерыв своими «проблемами» поделилась с Афиной Христофоровной, которая тоже работала в банке. Она старше лет на десять и выглядит представительно. Хрупкую Иарну рядом с ней вполне можно принять за дочь. Но не в этом дело. Афина Христофоровна — женщина рассудительная, слова пустого не скажет. Бесхитростна, душевна. Не обидит, поймёт.

— Нашла о чём горевать! Имя-отчество... — улыбнулась Афина. — Твоя отзывчивость, мягкий характер... И выглядишь так, что и молодые, и постарше принимают за ровесницу.

Поначалу Иарна не поняла, что гречанка имела в виду: всем ровесница... И ещё: — Дочь дочерью, а позаботься и о себе. Тон — прямо мать родная!

По дороге домой Иарна счастливо, растерянно вспоминала разговор. Нечасто случалось поговорить по душам. Отлета-

ли мучавшие сомнения, всё становилось ясным, простым. Каков человек, такова и его жизнь. Права Христофоровна! Для одних всё свет и радость, а старость мрачна, убога. Другие вроде бы ничего не видали, кроме забот и печалей, а уйдут — столько доброго оставят в людской памяти!

После работы было собрание, порядком подзатынувшееся. Когда расходились, совсем стемнело. Иарна родилась и выросла в горном селе, там было и подумать страшно, чтоб одной ночью куда-то пойти. Ну а здесь, в городе... Да и жила она недалеко от центра.

Что ж, заканчивался день. Особой радости не принёс, но и худого ничего. О словах сослуживцы спокойно поразмышляет наедине с собой. Что ещё? Ах, да — Уахсит!

Не позвонил. Убеждала себя: лучше для обоих, если прекратятся их телефонные общения по пятницам. В прочие дни за делами забывала, что там наговорили друг другу.

Хорошо, очень хорошо, что не позвонил. И не надо, всё правильно.

Хитрец Уахсит прекрасно сознавал, как ей, разведённой, грустно в выходные дни. Потому-то и завёл привычку в последние два-три месяца названивать по пятницам. Объявлял:

— Завтра суббота.

— А нынче пятница.

— Завтра суббота, — повторял, — послезавтра воскресенье... Давно уже на «ты», а по телефону иронично-вежливое «вы»:

— Как собираетесь провести свободное время?

Хоть бы ещё что-нибудь придумал!

Один и тот же вопрос. Иарна занудно перечисляла:

— В субботу утром отправляю дочку в школу.

— А потом чем заняты, если не секрет?

— Навою в квартире шик и блеск. Стираю, шью...

— А потом?

— Танцую! Опять двадцать пять!

Эти его намёки (на свидание!) Иарна сочла не слишком приличными. Не так была воспитана. «Ведь у меня взрослая дочь!» Сама виновата, однажды согласилась на прогулку. Теперь каждую пятницу звонки. Сегодня... может дошло, что зря надеется? Когда он звонил в последний раз? В понедельник. «Это я, несчастный "опять двадцать пять"». — «А-а, Уахсит-Пятница...» — «Да, Уахсит-Пятница, Пятница-Уахсит».

Иарна не удержалась от смеха. И тут же пугливо огляделась по сторонам: ещё примут за сумасшедшую — бредёт одна, чему-то смеётся... Правда, улицы почти пусты. Только на набережной толпы гуляющих.

Иарнина многоэтажка у подножья горы. Двор — что сад. Окна горят, уютно, тихо. «Дома ли Гулиза или, как бывало, засиделась у подружки?» — обеспокоилась Иарна и торопливо вошла в тёмный подъезд. Восемнадцать лет поднимается по этой лестнице, и всегда темнота. Экономят на лампочках, что ли? Ладно, ещё пролёт и дома.

Сначала решила, что почудилось. Приостановилась, вслушалась. Нет, действительно: чьи-то голоса, на шёпоте. Две тени. Поднялась на пару ступенек и вы-

шла на площадку. В полумраке с трудом различила лица... В обнимку стояла парочка и целовалась. Обеими руками Иарна ухватилась за перила. Только не это, нет! Её дочь! Показалось, целую вечность отыскивала в сумке запропастившийся ключ и потом не могла вспомнить, как открыла дверь, вошла...

Туда-сюда помыкалась по квартире. На кухне нетронутая еда, утром оставила дочери. И засомневалась: на лестничной площадке не Гулиза. Не она это, не она. Сейчас все девушки одеваются одинаково. И парень... Тот, что приходил как-то к ним? «Маочка, познакомься, это Андрей, студент, я тебе о нём рассказывала». А на лестнице вроде постарше. У подружки Гулизы, позвонит: «Не беспокойся, маочка, я уже выхожу». Она презабавно проглатывала одну букву. «Маочка, когда придёшь? Маочка, — звонила на работу, — что мне поесть?»

— Красавица у тебя дочка, воспитанная! — говорили сотрудники. И Иарна вся светила: счастливая она женщина.

Вот и воспитала!

Рассеянно включила телевизор, убрал звук. Опустилась на диван.

Послышался шорох ключа в дверном замке, Иарна затаилась. Вскочила, снова села. Негодница: не позвонила, как обычно! А ведь знает — я дома.

Гулиза тихонько прикрыла за собой дверь и шмыгнула в свою комнату.

Бойся на глаза показаться! Иарна еле сдерживала слёзы: семья развалилась, муж ушёл... Теперь и дочь! Которую пестовала, себе отказывая во всём!